

Звенигород, 23-25 октября 2006 г.

О способах выражения семантического сочинения и подчинения в севернорусских говорах в сопоставлении с литературным языком

Мархье Пост, Университет Тромсё (Норвегия)

<margje.post@hum.uit.no>

(введение: благодарю за приглашение)

В прошлом году я окончила огромную диссертацию (вот этот «кирпич», как говорит мой муж) об употреблении севернорусской частицы *дак* в говоре деревни Варзуга Терского района Мурманской области. Деревня Варзуга расположена на Терском берегу Белого моря, как вы увидите на карте. К. Саппок завтра больше расскажет о Терском берегу. Жители считают себя поморами. В реке ловят семгу, и до шестидесятых годов каждая семья держала по несколько оленей. *(показываю несколько фотографий.)*

Я три раза поехала туда в экспедицию, первый раз вместе с коллегами из Тромсё и из Москвы, второй раз вместе с подругой, а третий раз вместе с мужем, Д.П. и с проф. Саппоком. Сейчас я изучаю интонацию вопросительных высказываний в севернорусских говорах.

Но у этого доклада тема другая. Я заметила, что большинство описаний севернорусского слова *дак* строится по образцу грамматической системы литературного языка. В этом докладе я предлагаю другой подход, потому что отношения подчиненности и сочиненности выражаются другим образом в диалектной речи чем в литературном языке, а иногда даже вообще не выражаются вербально. Поэтому, грамматическая классификация предикативных конструкций в подчиненные и сочиненные предложения, по образцу системы русского литературного языка, плохо подходит к описанию диалектных языковых систем.

Важно различать семантическое подчинение от грамматического подчинения, как и семантическое сочинение от грамматического сочинения. Передаваемая мысль может быть другого характера чем грамматическая конструкция. Например, между двумя предикативными конструкциями, которые соединяются сочинительным союзом, могут быть отношения подчиненности.

Взаимные отношения зависимости между мыслями, которые представлены в предложениях, далеко не всегда выражаются вербально, как показывает следующий, придуманный пример:

1а Наконец я приехала домой, я вошла в кухню, а мужа нет! Он уже лег спать. Устал.

Говорящий рассказывает о ряде событий, между которыми существуют разные отношения, как причинно/следственные и временные отношения, которые тоже можно выразить с помощью подчинительных конструкций, как в варианте 1б:

1б Когда я наконец приехала домой, я, войдя в кухню, не застала мужа, потому что он уже лег спать, из-за того, что устал.

Однако, и без четкого указания связей слушатель понимает смысл высказанного, включая взаимные отношения. Люди с высоким образованием научились выражать себя очень четко, как в науке. Такой стиль отражается в письменном языке и в речи образованных людей. Однако, люди понимают друг друга и без сложных конструкций, с более или менее излишними объяснениями.

Во многих языках, подчинительные и сочинительные союзы, как мы их знаем из русского литературного языка, вообще отсутствуют. Такие слова, как *и, но, если, хотя, и потому что* могут отсутствовать. Например, во многих финно-угорских и тюркских языках, еще недавно союзов русского

типа не было. Например, в финском языке, сочинительные союз *ja* является заимствованием из германского языка, а в соседнем карельском языке употребляется русское соответствие *да*.

Во многих языках и диалектах, такие отношения, как семантическое подчинение и сочинение, выражаются с помощью других средств - наречий, частиц, деепричастий, если они выражаются вообще. В курсе разговора обменивается и активируется много информации. Только часть этой информации выражается эксплицитно. В неподготовленной речи, большая часть обмениваемой информации вообще не выражается лингвистически, а лишь предполагается или имплицитруется.

Об этом пишет, например, британка Robyn Carston в своей книге "Thoughts and utterances" 2002-ого года. Она говорит об *indeterminacy* и *underdeterminacy*, то есть *неопределенность* или *недостаток определенности*. (Впрочем, последнее выражение мне не очень нравится, из-за отрицательной окраски.) Я скоро дам наглядные примеры из русского говора.

(Неопределенность касается также отношений между предикативными конструкциями, типа причинные, уступительные и т.д.)

Впрочем, это совсем не новое установление. Уже в начале 20-ого века, *dialektolog* Мансикка заметил, что в речи русских крестьян

"В построении предложений наблюдается простота и краткость. Отрывистая речь крестьянина обходится безъ придаточныхъ и вводныхъ предложений." (Мансикка 1914a:168)

Пара частей сложной мысли просто выражаются друг за другом, без никакой синтаксической или лексической указании на их взаимоотношение. Вот несколько примеров из работ Мансикка:

- 2 У нас баба, помёрла нонь-то, знала эты слова. (Кар./Арх., Мансикка 1914а:168)
3 Простудиўся быў, лес возиў.
4 Я стритиў ево, едет мимо. (Арх., Мансикка 1912:140)

Впрочем, в других местах своих статей Мансикка *дает* примеры подчинительных союзов. В. И. Трубинский на самом деле заметил, что в пинежском говоре, который он исследовал, подчинительные союзы почти отсутствуют.

Вы наверно все заметили, что подчинительные союзы намного менее употребительны в говорах, на котором говорят малообразованные бабушки и дедушки, чем в речи образованных людей, говорящих на нормированном, литературном языке, тем более чем в напечатанных текстах.

Если характер связи между высказываний или частями высказываний вообще выражается, то он выражается — или, лучше сказать, имплицитруется — с помощью просодических средств, (как разделением звукового потока в части, размещением акцентных выделений и выбором мелодических акцентов), или с помощью недифференцированных частиц, таких, как *ведь, то, так, и, на севере, дак и да*. Отношения выражаются не конкретно, а лишь в общих чертах. Об этом пишет, например, Вячеслав Борисович Евтюхин, в маленькой статье, опубликованной в серии *Севернорусские говоры*.

Примерами таких частиц с недифференцированным значением являются севернорусские прагматические частицы *да* и *дак* (Post 2005).

кормят да поят да (ДАРЯ 2004, карту нр. 10, Кузьмина 1993:185)
Она давно не роботат, больна дак (АОС, том X)

Слово *да* выражает семантическую сочиненность, как здесь, для соединения однородных членов в перечислении. Частица *да* употребляется

для симметрического связывания элементов на одном уровне, а *дак* употребляется в контекстах с отношениями семантической подчиненности. «Больна» является причиной того, что женщина не работает.

(Однако, это не значит, что *дак* является подчинительным союзом. Это лишь означает, что слово *дак* употребляется в контекстах таких семантических отношений, которые в литературном языке часто выражаются с помощью подчинительных союзов. В моем анализе, *дак* всегда является дискурсивной, или прагматической, частицей, всегда выражает то же самое основное значение. К этому вернусь попоже.

Сначала я хочу показать, что слово *дак* не является союзом даже там, где она связывает две предикативные конструкции. Впрочем,) примеры из говора Варзуги даются в орфографической транскрипции, потому что их фонетический облик не играет роли в этом докладе:

10 Так, еще чего спрашивай дак я отвечать буду. (д. Варзуга, Мурм. обл.)

⇒

Это высказывание можно перевести на литературный язык разными конструкциями

— с помощью бессоюзной конструкции

10а Спрашивай еще, я буду отвечать.

— с помощью сочинительного союза

10б Спрашивай еще и я буду отвечать.

— а также с помощью подчинительной конструкции

10в Если ты еще спросишь, то я отвечу.

А куда классифицировать диалектную конструкцию, не ясно. Это сочинительная, или подчинительная конструкция?

Вот другой пример. Здесь моя хозяйка в деревни говорит о том старом доме, где они с братьями раньше ходили в школу. (*Показываю фотографию*) Она объясняет о каком доме идет речь:

— *А вот, там, мимо вы шли **дак**, окна забиты, этот Петр Прокопьевич будет ремонтировать да, сказал ... это, музей будет там.*

Предикативная конструкция «Там мимо вы шли дак» ⇒

⇒ может «соответствовать» подчиненному предложению:

Там, где вы шли мимо

Там, мимо чего вы шли

⇒ и сочиненному предложению:

Там, вы там шли мимо (, помните?),

где предикативная конструкция является утверждением, а не только определением, как в первом переводе.

А вот часть в 11б, «окна забиты» уже совсем не соединяется, даже не с помощью частиц. Эта синтагма можно перевести как подчиненное определение ⇒

там, где окна забиты

а также как сочиненное утверждение:

окна там забиты

Куда классифицировать такие, неопределенные, совсем краткие конструкции?

Вот последний пример такого рода. Говорит бабушка, у которой дом сгорел, а я спрошу, приезжает ли ее дочь, которая живет в Мурманске:

12 (— Она сюда приезжает?)

— Она приезжала дом-то был **дак** приезжала. А теперь дому нету у Ниночки живу **дак**.

Она приезжала, пока/когда дом еще был, приезжала. (временное отношение)

(...), дом ведь был, (...) (причина – условие причинно–следственное отношение)

(имплицитруется «у меня ведь еще был дом, где я могла принимать гостей»?)

На мой взгляд, данные конструкции невозможно классифицировать как сочиненные или подчиненные в грамматическом смысле, потому что такой разницы не выражается.

Слово **дак** все равно сигнализирует о том, что есть связь асимметрического характера, близко к подчиненности. В учебниках по русской диалектологии 1997 и 2005 годов С. К. Пожарицкая пишет, что **дак** является едва ли не универсальным союзным средством в структурах с подчинительной связью. Однако, это слово имеет более общую функцию и значение чем союзы литературного языка. **Дак** не является союзом, например, потому что это слово всегда занимает то же самое место в отношении к выражениями, которые **дак** соединяет, в отличии от подчинительных союзов и наречий. К тому же, частица **дак** никогда не является синтаксически или семантически обязательным словом, и она может употребляться вместе с союзами.

Словечко **дак** употребляется во многих разных семантических контекстах, и в начале, и конце, и внутри высказывания. В имеющейся литературе о слове **дак** дается много примеров возможных контекстов, в том числе, конечно, в АОС, и, недавно, в статье Ю. В. Шуйской 2002 года, где автор показывает, что слово **дак** играет роль именно в дискурсе. Вот некоторые примеры из говора деревни Варзуги Мурманской области. Сначала пример начальной позиции:

7 **Дак** вот так, но еще чево тебе надо-то?

Здесь *дак* употребляется внутри высказ, между двумя синтагмами

8 *А холодный ветер **дак** север.*

А здесь *дак* заканчивает высказывание:

9 *Ко мне никого ... этих батюшков, не зовите. Умру **дак**.*

Согласно результатам моего анализа севернорусского говора д. Варзуги (Терский берег Белого моря), частица *дак* всегда выражает то же самое, основное значение во всех позициях и контекстах. Это общее значение частицы *дак* состоит в следующем: *дак* маркирует «х дак у». Это показано в рисунке. На обратной стороне раздаточного материала вы найдете вариант на русском языке. Частица *дак* сигнализирует, о существовании асимметричного отношения между двумя информационными единицами, скажем, х и у, где х является основой некоторой мысли или пропозиции у. Другими словами, *дак* всегда соединяет две ментальные единицы, скажем х и у, где х вводит к у, а у основывается на х. Это напоминает о «зависимой» и «главной» частями в статье Никитиной и Пожарицкой (1993).

Например, *дак* маркирует – а не выражает – отношения между условием и действием, причиной и следствием, указанием места и отличающим признаком этого места, между диалектным словом и его объяснением. Очень часто, элементы х и у представляются как члены множества альтернатив. (см. картины на второй странице раздаточного материала).

В литературном языке такие отношения выражаются разными синтактически и семантически специализированными словами. *Дак* имеет более общее значение. Согласно моему анализу, слово *дак* само по себе не выражает эти отношения, оно лишь показывает на существование такого рода отношения. Какое именно отношение имеется ввиду следует из

контекста, или остается неопределенным. Степень «полезности», или «излишности», слова *дак* зависит от того, насколько значение частицы *дак* уже известно из контекста.

Лишь одна из этих двух ментальных единиц должна быть выражена. Этим объясняется вариативность в позиции слова *дак* в высказывании.

Я назвала вербальное представление единицы *x* — основой, А, а выражение единицы *y*, утверждением, — Б. Как я уже сказала, А или Б может отсутствовать. Это наглядно показывает следующая пара примеров. С первым примером вы уже познакомились:

13 Так, еще чего спрашивай дак я отвечать буду.

А второй пример очень похож. Он отличается только в том, что вторая часть сложной мысли не выражается. Это на самом деле высказывание того же диалектоносителя:

14 Но кого, спрашивай ещё чего надо дак.

Здесь, как и в первом примере, говорящий посредством употребления частицы *дак* имплицитно утверждает, что она будет отвечать. Это по крайней мере подтвердил единственный диалектоноситель, у которого я успела спросить истолкование. Это не только приглашение задавать вопросы, а приглашение с импликацией – с указанием на следствие.

В следующем примере, тоже отсутствует вторая часть:

15 Ой, опять без очков дак.

VI. Частица *дак* имплицитно утверждает следующую за высказанной мыслью, в данном контексте, что говорящий плохо видит мои фотографии.

Это слушатели легко поняли из ситуации. Употребление частицы *дак* здесь, как везде, не обязательна, но эта частица облегчает для слушателей истолкование высказанного.

Ой, опять без очков.

Смысл выражения без *дак* было бы менее ясным. Выражение «опять без очков» может быть самостоятельное утверждение, а присутствие слова *дак* показывает, что это выражение служит основой для другой мысли. Финский диалектолог Йоуни Ваахтера считает, что частица *дак* на самом деле очень удобное, и полезное слово, что жаль, что его нет в литературном языке. Я с ним согласна.

(Следующее я пропускаю:

Частица *дак* всегда является энклитику, то есть, она просодически подчиняется левому или правому контексту

- энклитическое *дак* (А_дак) имплицитно подразумевает какую-то следующую за высказанным (в А) мысль
- проклитическое *дак* (дак_Б) имплицитно подразумевает, что высказанное (в Б) основывается на какой-то известной, доступной информации))

В западной литературе употребляются термины *дискурсивные частицы* и *прагматические частицы* (по-английски *pragmatic particles*). Слово *дак* является типичным примером прагматической частицы.

VI. *прагматические частицы* (*pragmatic particles*):

Прагматические частицы никогда не являются обязательными словами, ни грамматически, ни семантически. Однако, они

облегчают коммуникацию, указывая на то, как помеченное выражение относится к контексту (в широком смысле), или на отношение говорящего или слушателя к его содержанию (ср. Foolen 1996). *Дак* обладает первой из этих двух функций.

т.е. функцией указания на то, как высказывание относится к другой известной, доступной, активированной информации.)

Описание частицы *дак* дает наглядное представление о том, что коннективные слова связывают не только лингвистические выражения, но и невысказанные, ментальные элементы, которые играют важную роль в спонтанной, нестандартной речи.

В заключении хочу повторить, что в неподготовленной речи, и особенно в спонтанной диалектной речи малообразованных носителей языка, большая часть той информации, которая обменивается во время разговора не выражается вербально. Слушатель всё равно понимает смысл, а если нет, он, или она, может спросить объяснения, что читатель напечатанного текста не может.

К тому же, многое выражается менее эксплицитно чем в литературном языке, а лишь в общих чертах, например, с помощью недифференцированных частиц, как *дак* в севернорусских говорах. Классификации предикативных единиц, и тем более синтагм, в подчиненные и сочиненные предложения, по образцу письменного кодифицированного языка плохо подходит к описанию диалектных языковых систем. Такая классификация часто является невозможной, и, на мой взгляд, она и не нужна.

Валентин Евсеевич Гольдин написал, что

«Выражение сочинительных отношений (присоединение, соединение, сопоставление), как известно, решительно преобладает в диалектной речи над

выражением причинно–следственных, условных и других отношений подчинительного характера» (Гольдин 1998:46)

Это, конечно, правильно в грамматическом смысле, в том смысле, что в говорах редко употребляются неспорные указатели грамматического подчинения, как подчинительные союзы. Однако, диалектоносители, также как и другие русские, передают мысли с отношениями подчиненности, только не с помощью грамматического подчинения. На севере России, развились особые частицы/показатели семантической сочиненности и подчиненности, *да* и *дак*.

Спасибо за внимание.